Жуков Юрий

Борьба за власть в руководстве СССР в 1945 -1952 годах

Об авторе:

Жуков Юрий Николаевич — *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.*

О времени, прожитом СССР между окончанием Великой Отечественной войны и смертью Сталина, написаны тысячи книг. И почти в каждой из них обнаруживаются некая заданность и порою игнорирование ряда исторических фактов. Причина понятна. До сих пор исследователи опирались на ограниченный, по сути дела как бы навязанный им круг источников, довольствуясь лишь опубликованными, тщательно отобранными постановлениями, решениями, указами, выступлениями, заявлениями. Историкам приходилось либо соглашаться с предписанной им ролью, либо сознательно идти на доказательство «от противного», создавая гипотезы, которые они не могли подтвердить.

Недавно стал доступным уникальный источник: протоколы заседаний Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б). Они позволяют понять, что представляла собой в те годы власть в СССР, подлинная, тайная, никому не подконтрольная, отстраненная и от общества, в целом, и даже от большинства лиц в правящей партии. Обретенные наукой документы позволяют понять истинную конструкцию этой власти в указанные годы и расстановку имевшихся в ней сил: все то, что на протяжении полувека надежно прикрывалось мифами о «всевластии Советов», о «ведущей, направляющей роли партии».

Победа над Японией в 1945 г. заставила кремлевское руководство заявить об отказе от чрезвычайных, вызванных войною форм управления. 5 сентября 1945 г. радио и пресса СССР сообщили об упразднении Государственного Комитета Обороны (ГКО). Тем самым людям внушали мысль, что страна вернулась к конституционности и деятельности ничем более не подменяемого и не дублируемого Совнаркома СССР. Так полагали тогда. Так было принято считать вплоть до наших дней. В действительности же указ об упразднении ГКО практически ничего не изменил. Не стремившееся к реформам, к коренным переменам ПБ утвердило 6 сентября проект постановления СНК СССР «Об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров», что сохранило на неопределенный срок сложившееся за годы войны разделение высшего органа управления на две самостоятельные структуры.

Бывший ГКО, точнее — его Оперативное бюро, просто переименовали в Оперативное бюро СНК по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта. Сохранили в неприкосновенности и Бюро СНК, которое по аналогии назвали Оперативным бюро СНК по вопросам работы наркоматов и ведомств обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры. Обоим оперативным бюро вменялось в обязанность готовить и представлять на утверждение председателя СНК СССР «проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальному и годовому), по планам материально-технического снабжения», принимать «оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов», а

также осуществлять «оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК», принимать от его имени «обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств».

В состав первого оперативного бюро вошли Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков (заместитель), Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, А. Н. Косыгин. В состав второго — В. М. Молотов (председатель), Н. А. Вознесенский (заместитель), А. И. Микоян, А. А. Андреев, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник. Иными словами, вся власть осталась у все того же, только несколько расширенного ГКО. Небезынтересно и то, что включенные в высший эшелон власти Булганин и Косыгин еще не являлись ни членами, ни даже кандидатами в члены ПБ. Можно предположить, что, принимая такое решение, кремлевское руководство временно отказалось от реформирования правительства, всего лишь перераспределив и уточнив свои обязанности на время первого за многие годы отпуска И. В. Сталина. Оно отсрочило принятие окончательного постановления на время, которое потребуется для подготовки перестройки. Однако состоявшееся вскоре после возвращения Сталина из отпуска, 29 декабря, первое в том году протокольное, т. е. действительное, а не подменяемое «опросом», заседание ПБ также сохранило в неприкосновенности действовавшую конструкцию высшей власти.

На заседании, как ранее повелось, ограничились решениями рутинных вопросов, в основном плодов двухмесячных раздумий генерального секретаря ЦК ВКП(б). И имевшие право голоса, и приглашенные — Н. А. Булганин, А. Н. Косыгин, А. Н. Поскребышев, М. Ф. Шкирятов, А. Ф. Горкин, Н. Н. Шаталин, В. В. Кузнецов одобрили внесенные предложения: Маленковым — о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР второго созыва; Берией — о его отставке с поста наркома внутренних дел «ввиду перегруженности его другой центральной работой» и о замене его С. Н. Кругловым; Сталиным — об образовании новых и разукрупнении некоторых старых наркоматов; о необходимости создать группу из состава ответственных советских и партийных работников для подготовки персонала посольств, увеличившихся за два года вдвое; о возобновлении регулярных заседаний самого ПБ, которые должны были проходить «каждые две недели, по вторникам, в 8—9 часов вечера».

Лишь два вопроса, также внесенные Сталиным, имели, как показало будущее, принципиальное значение, ибо в значительной степени повлияли как на расстановку сил в руководстве, так и на ход последующих событий: об освобождении А. И. Шахурина от должности наркома авиапромышленности и о создании Внешнеполитической комиссии ПБ в составе Сталина, Молотова, Берии, Микояна, Маленкова и А. А. Жданова для выработки тактики на предстоявших международных конференциях и переговорах.

Не принес перемен и январь 1946 г., когда выявилась бесплодность попыток восстановить прежнюю роль ПБ, сделав его заседания хотя бы регулярными (второе состоялось через три, а следующее только через шесть недель), да провести еще одну, малозначительную реорганизацию, на этот раз — по слиянию наркоматов обороны и военно-морского флота в один — Вооруженных Сил во главе со Сталиным как наркомом и Н. А. Булганиным как его заместителем по общим вопросам. Это, впрочем, было намечено еще в мае 1945 года. Явное нежелание менять что-либо в системе управления покоилось, помимо прочего, на все еще длившейся эйфории, {23} порожденной победою, признанием СССР одной из трех великих держав, которым только и дано право перестраивать мир на новых основах и решать судьбы остальных стран.

Проникнутое именно таким духом «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям» было утверждено ПБ 1 февраля. В нем наметили как основные задачи скорейшее восстановление народного хозяйства, поддержание обороноспособности, необходимость «закрепить завоеванную победу», «твердо отстаивать интересы Советского Союза» и в то же время «совместно с демократическими силами других стран бороться за укрепление сотрудничества миролюбивых держав», под которыми еще подразумевали союзников по антигитлеровской коалиции.

Три дня спустя в Москву поступило сообщение, перечеркнувшее прежние планы и расчеты. Американский обозреватель Д. Пирсон в очередном радиообзоре поведал, что шифровальщик посольства СССР в Оттаве Гузенко «избрал свободу», попросту говоря — сбежал. А заодно раскрыл состав советской разведывательной группы, охотившейся в США, Канаде и Великобритании за секретом атомной бомбы. Сталин отреагировал немедленно. 9 февраля на встрече с избирателями он уже не говорил о продолжении сотрудничества с союзниками. Зато намекнул, что советские ученые непременно создадут собственное ядерное оружие.

И вот тогда советник посольства США в Москве Дж. Ф. Кеннан, по долгу службы анализируя выступление Сталина, пришел к заключению: Советскому Союзу «желательно и необходимо разрушить внутреннюю гармонию нашего общества, наш традиционный образ жизни», и потому он готовится к агрессии против Запада. Два десятилетия спустя в своих мемуарах Кеннан признал такие выводы безосновательными, ошибочными. Но тогда, в феврале 1946 г., он верил в собственный прогноз и, не колеблясь, направил его в Вашингтон.

Телеграмма Кеннана вместе с оценками Объединенного разведывательного комитета и Комитета начальников штабов США утвердила президента Г. Трумэна во мнении, что ближайшей целью СССР является захват Европы. Это привело его к солидарности с У. Черчиллем, который еще с 1943 г. пропагандировал идею создания Западного блока, противостоящего Советскому Союзу. 5 марта экс-премьер Великобритании выступил в колледже небольшого миссурийского городка Фултон в присутствии и при молчаливом одобрении Трумэна, призвав англо-саксонские страны незамедлительно объединиться и, используя монополию на атомную бомбу, дать отпор СССР.

Это вынудило кремлевское руководство избрать адекватный изменившейся ситуации политический курс. Одним из последствий явилась реконструкция властных структур с пересмотром состава лидерской группы [1].

Первый послевоенный пленум ЦК ВКП(б), собравшийся 18 марта 1946 г., рассмотрел два вопроса: о сессии Верховного Совета СССР с формированием его Президиума и Совнаркома СССР, который решено было переименовать в Совет Министров (СМ), и оргвопрос с кадровыми перестановками в партаппарате. Сначала стала достоянием гласности в искаженном виде информация по первому вопросу. Сессия Верховного Совета СССР, без обсуждения, приняла отставку прежнего правительства и утвердила состав нового. Его огласили в таком порядке: председатель СМ — Сталин, его заместители — Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Ворошилов, Каганович. То есть, те же члены ГКО и оперативных бюро, но без Булганина, Маленкова и Шверника (последнего избрали председателем Президиума Верховного Совета вместо ушедшего в отставку М. И. Калинина), но зато с возвращенным Ворошиловым. Тайной осталась реальная организация высшей исполнительной власти. В соответствии с секретным постановлением СМ от 20 марта, «вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома СССР» было образовано Бюро Совета Министров (БСМ), включавшее заместителей председателя СМ. Но председателем БСМ стал не Молотов, названный вторым, а Берия, заместителями — Вознесенский и Косыгин. {24}

28 марта распределили обязанности между заместителями председателя СМ Берии, в дополнение к указанной должности и посту руководителя атомного проекта, поручили «наблюдение за работой министерств внутренних дел, госбезопасности и государственного контроля». Столь огромные полномочия сделали Берию вторым человеком в государстве, дав ему возможность официально контролировать деятельно всего аппарата власти в стране, решая порою судьбы не только рядовых граждан, но и тех, кто находился с ним на «одном уровне». Серьезные перемены затронули постоянно действовавшие органы партии Секретариат ЦК, Оргбюро (ОБ) и ПБ. Но официальное сообщение о пленуме, опубликованное в газетах 20 марта, зафиксировало сугубо рутинную перестановку: пополнение состава членов ПБ Берией и Маленковым кандидатов — Булганиным и Косыгиным, изменения в ОБ, замену в

секретариате умершего год назад А. С. Щербакова и «агрария» А. А. Андреева первыми секретарями Ленинградской и Московской партийных организаций А. А. Кузнецовым и Г. М. Поповым. Общедоступная информация скрывала и причины перемен, и конкретные обязанности новых лиц, определенные, к тому же, лишь 13 апреля, на четвертом послевоенном по счету протокольном заседании ПБ [2].

В тот же день реконструкция аппарата ЦК партии завершилась упразднением последних производственно-отраслевых отделов — сельскохозяйственного и транспортного, работу секретариата ограничили теми вопросами, которые решили оставить за партией: подбор и расстановка кадров, пропаганда и агитация, проверка деятельности парторганизаций, контакты с зарубежными компартиями (точнее — руководство ими, принявшее после роспуска Коминтерна в 1943 г. иные организационные формы). Изменилась и структура аппарата ЦК. Она включила два управления — кадров, пропаганды и агитации; два отдела — оргинструкторский и внешней политики Почти полностью обновили их руководство, распределение обязанное между секретарями.

Маленков утратил свою особую роль, определявшуюся тем, что только он, как и Сталин, совмещал высшие должности в партии и в государстве Если в годы войны он был вторым секретарем ЦК и одновременно членом ГКО , затем зампредом одного из оперативных бюро СНК , то теперь входил в состав БСМ и лишился контроля за Управлением кадров. Отныне в его обязанности входили «вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик; подготовка вопросов к Оргбюро и председательствование на заседаниях последнего». На ключевом партийном посту оказался Кузнецов: к нему перешли «руководство Управлением кадров ЦК ВКП и работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных организациях; подготовка вопросов к Секретариату ЦК ВКП и председательствование на заседаниях последнего; вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». К Кузнецову перешла и должность начальника Управления кадров.

Жданову удалось восстановить свою довоенную роль: ему возвратили руководство Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации (печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация). Но, в отличие от Кузнецова Жданова не назначили начальником Управления пропаганды, оставив этот пост за Г. Ф. Александровым. Единственный из четырех секретарей Г. М. Попов, не получил никаких определенных обязанностей по работе в ЦК. Подобное исключение традиционно объяснялось его занятостью в руководстве Московской партийной организацией и Моссоветом». Сохранившие самостоятельность отделы поручили новым людям, переведенным на работу в Москву: отдел внешней политики — М. А. Суслову, возглавлявшему ранее Бюро ЦК по Литве, оргинструкторский — Н. С. Патоличеву прежде первому секретарю Челябинского обкома и горкома партии [3].

Неожиданное стремительное возвышение Кузнецова, молодого функционера, всего год проработавшего первым секретарем Ленинградского {25} обкома и горкома партии, объяснялось тем, что Сталин перестал скрывать от ближайшего окружения озабоченность надвигавшейся старостью и ухудшившимся состоянием здоровья, дав понять: своим преемником на посту генсека видит не Маленкова, не Жданова, а Кузнецова. Но сделать понятным партаппарату истинную причину взлета Кузнецова помог случай. В конце апреля были арестованы бывший министр авиапромышленности, на тот момент — заместитель председателя СМ РСФСР А. И. Шахурин, командующий ВВС А. А. Новиков и два заведующих отделами Управления кадров ЦК. Данный инцидент дал основание на очередном заседании ПБ 4 мая вывести Маленкова из секретариата ЦК. Но обязательного для тех лет и подобных случаев заключительного аккорда — ареста Маленкова или снятия его со всех постов — не последовало. Более того, он остался в составе ПБ и ОБ [4].

В тот же день ПБ приняло еще одно решение: без каких-либо объяснений В. Н. Меркулова, работавшего под началом Берии еще с 20-х годов, сместили с должности министра госбезопасности. Его преемником стал В. С. Абакумов, ранее начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ (с апреля 1943 г.— структурной части Наркомата обороны) и потому связанный по прежней службе именно с наркомом обороны Сталиным, а не с руководством НКВД. Подобная мера ослабляла позиции Берии и в то же время давала преимущества новому начальнику Управления кадров. Создавался новый тандем из тех лиц, кто должен был оправдать доверие Сталина любой ценою. Тем не менее, решающего назначения не последовало: Кузнецов не получил вакантный пост председательствующего на ОБ и не стал в те дни вторым секретарем ЦК. Следствием же новой ситуации оказался рост соперничества между ним и Ждановым, теперь в равной степени претендовавшими на роль второго лица в партии.

Опираясь на решение ПБ от 13 апреля о недостатках в идеологической работе, Жданов и его протеже и открытый сторонник Г. Ф. Александров использовали возникшую паузу. Они обвинили основную массу руководителей обкомов и крайкомов партии в вопиющем непрофессионализме и политической неграмотности, а ряд республиканских ЦК, прежде всего Украины, — в потворстве буржуазному национализму. Данные о том нашли отражение на совещаниях в Управлении пропаганды и обстоятельных записках, которые начали принимать форму целенаправленной серии постановлений ЦК. Правда, затрагивали они не столько идеологические, сколько кадровые вопросы.

Первым явилось принятое 8 июля 1946 г. постановление «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)». Оно могло послужить основанием для далеко идущих мер, прежде всего запланированных на ближайшее будущее экзаменов с проверкой теоретических знаний всех без исключения членов партии. Мотивировалось такое предложение тем, что 67,2% коммунистов, включая работников обкомов и крайкомов, не имели даже среднего образования. Вместе с тем предусматривалось сокращение приема в партию служащих, которые на 1 января 1946 г. составляли 47,6% общей численности членов ВКП(б) [5].

В развитие этого постановления 2 августа было принято еще одно, «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Оно требовало обязательного обучения партийных функционеров, в зависимости от должности и образования — двух- либо трехлетнего [6]. С этой целью были созданы Высшая партийная школа, Академия общественных наук и восстановлена Военно-политическая академия. Такой подход к решению кадровых вопросов делал Управление пропаганды ключевым в аппарате ЦК и ставил под сомнение компетентность и самого Кузнецова, и возглавленного им управления.

Одновременно Жданов и Александров сделали еще один, характерный для «аппаратных игр» ход, призванный обезопасить их от критики со стороны. Они подготовили и провели через ПБ и ОБ в августе-декабре 1946 г. ряд критических постановлений по идеологическим вопросам: {26} о недостатках в работе газет «Правда», «Известия», «Труд», Радикомитета, Министерства кинематографии, ОГИЗ'а, о литературно-художественной критике. Но и в этих документах, предельно самокритичных, сумели перенести акцент на вопрос подбора и расстановки кадров.

Такие действия усилили позицию Жданова. 2 августа 1946 г. ПБ приняло решение, по которому именно на него, а не на Кузнецова, возлагалось председательствование на заседаниях ОБ и руководство работой секретариата ЦК. Тем самым Жданов был призван вторым лицом в партии и вновь, как это уже было до войны, стал вместе со Сталиным подписывать совместные постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б). Тем же решением ПБ прежние

функции Маленкова по руководству ЦК компартий союзных республик возложили на введенного в Секретариат Патоличева, чей отдел был повышен в статусе и преобразован в Управление по проверке партийных органов.

Однако и такая реорганизация партаппарата не создавала равновесия сил в руководстве. Практически сразу же и самого Патоличева, и его подчиненных переориентировали на решение экстраординарной задачи, ничего общего не имевшей с их прямыми обязанностями,— проведение хлебозаготовок, призванных сколь возможно компенсировать последствия послевоенной засухи. А 2 августа, после трехмесячной опалы, Маленков вновь получил высокий пост заместителя председателя СМ СССР и члена БСМ, отвечающего за деятельность министерств промышленности средств связи, электропромышленности и связи [7], что ограничило его возвращение на вершины власти непривычной сферой экономических, а не партийных, структур управления, имевших свои особенности, устоявшиеся традиции и правила.

Между тем, общее положение в стране продолжало резко ухудшаться. Хотя с окончанием войны миновал год, в Прибалтике и в западных областях Украины пока не ослабевало вооруженное сопротивление сепаратистов. Там действовали не только небольшие отряды и группы, но и такое крупное соединение, как Украинская повстанческая армия. Жестокая засуха, обрушившаяся летом 1946 г. почти на всю территорию Европейской части СССР, и затяжные дожди во время жатвы в Сибири привели к голоду. Усугубила экономические трудности необходимость бросить все силы и средства не на восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и деревень, а на создание предприятий, которые должны были обеспечить производство атомного оружия и ракетной техники.

Неудачи постигли советскую внешнюю политику. Процедура, принятая Парижской мирной конференцией (29 июля — 15 октября 1946 г.), официально низводила СССР из великой державы в разряд лишенной практически влияния на решение многих международных вопросов. Выступление 6 сентября в Штутгарте государственного секретаря США Дж. Ф. Бирнса продемонстрировало окончательный разрыв между вчерашними союзниками и отказ США и выступавшей солидарно с ними Великобритании признать в форме международных обязательств западную границу СССР. Все это возвращало кремлевское руководство к чрезвычайной форме управления страной.

3 октября 1946 г. по предложению Сталина было принято решение, записанное как п. 94 протокола № 55 заседания ПБ. Оно гласило: «1. Поручить Комиссии по внешнеполитическим делам Политбюро (шестерка) заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики. 2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой»[8]. Так оформила себя как высшую власть узкая группировка лиц, давно уже господствовавшая в СССР. Отныне Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов и Вознесенский присваивали себе неконституционное право определять судьбы страны и ее населения.

Они встали и над партией. С этого момента почти прекратились протокольные, заседания ПБ: за последующие шесть лет они состоялись лишь 13 декабря 1947 г. и 17 июля 1949 года. Секретариат ЦК фактически {27} стал отделом кадров, обкомы, крайкомы и райкомы партии — дополнительными контрольными и надзирающими органами. Оформление «семерки», не внеся в сущность режима ничего нового, вместе с тем возродило былые тенденции, почти не проявлявшие себя с 1938 г., и создало условия для активизации безжалостного, не знающего милости к побежденному, личного соперничества. Оно установило также прямую зависимость усиления борьбы за власть от состояния здоровья Сталина, от удач, ошибок или просчетов тех, кто находился в данный момент на вершине власти.

Проявилось все это практически сразу же. Берия и Вознесенский, возглавлявшие БСМ, и Жданов как второй секретарь ЦК стремились закрепить свое положение, добиваясь

легализации его и сложившейся расстановки сил на как можно более длительный срок. В этих целях они настояли 7 января 1947 г. на решении о созыве XIX съезда ВКП(б). А 26 февраля о предстоящем партийном форуме узнали участники состоявшегося в этот день пленума ЦК партии. Сообщение по данному вопросу, не включенное в информационное сообщение для печати, сделал Жданов, огласивший намеченную повестку работы съезда, в том числе — принятие новых программы и устава, и назвавший тех, кому поручалась подготовка этих документов. В числе основных разработчиков оказались Жданов и его союзник Александров.

Такое развитие событий не устраивало аутсайдеров «семерки», к которым относились Маленков и Молотов. Именно они незадолго до пленума произвели минипереворот, проведя через ПБ совместное постановление ЦК и СМ «Об организации работы Совета Министров СССР». В соответствии с ним создавалось восемь бюро СМ, между которыми распределялось большинство министерств и ведомств. Их председатели Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин и Ворошилов входили в БСМ. Однако на этот раз возглавил его сам Сталин, а первым заместителем стал Молотов, во время отлучек которого его замещал Вознесенский. В члены БСМ вошел и Андреев, не получивший в свое ведение ни одного из бюро; он лишь формально, к тому же в последний раз, числился на одной из высших государственных должностей. Причиной того стал провал политики в области сельского хозяйства, руководство которым теперь передали Маленкову, возглавившему соответствующее бюро.

Подлинный смысл реорганизации раскрывало сокращение полномочий Берии. Ему, возглавившему Бюро по топливу и электростанциям, дополнительно поручили надзор за деятельностью МВД и строительство высотных домов в Москве. Работу же наиболее важных комитетов оборонной техники — Специального (атомного), Радиолокации, Реактивной техники, а также Валютного теперь юридически контролировал Сталин, а фактически Молотов. Решение проблем, связанных с министерствами иностранных дел , внешней торговли, государственной безопасности и вооруженных сил, перенесли в ПБ, что являлось смягченным ударом по «семерке».

Добившаяся реванша группа лиц настояла на запрете малейшего упоминания в печати о намеченном на конец 1947 — начало 1948 г. съезде партии и продолжила перетряску высшего руководства. 12 февраля 1947 г. из состава БСМ вывели Кагановича, направленного в Киев первым секретарем ЦК КП(б)У. 5 марта удовлетворили «просьбу» Сталина об отставке с поста министра вооруженных сил и заменили его Булганиным, назначенным одновременно по должности заместителем председателя СМ и членом БСМ. Тогда же он был введен в состав «семерки», ставшей теперь «восьмеркой».

Вслед за тем настала очередь перемен в партийных структурах. Там главный удар тоже был направлен против Жданова. Его ослабление начали, в соответствии со сложившейся практикой, с устранения тех, на кого он опирался или мог опереться. В декабре 1946 — феврале 1947 гг. лишили Александрова двух из четырех его заместителей: К. С. Кузакова, назначенного заместителем министра кинематографии СССР, и М. Т. Иовчука, утвержденного секретарем по пропаганде ЦК КП(б) Белоруссии. В конце февраля начальника Управления по проверке парторганов и секретаря ЦК {28} Патоличева направили секретарем по сельскому хозяйству ЦК КП(б). Украины, а шесть месяцев спустя сделали первым секретарем Ростовского обком партии. Одного из двух его заместителей, будущего министра госбезопасности СССР С. Д. Игнатьева, послали на аналогичную должность в Минск одного из трех инспекторов его управления, Н. И. Гусарова, тоже в Минск в качестве первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии [9].

Следующим шагом явилось решение ПБ 22 апреля о проведении второй дискуссии по книге Александрова «История западноевропейской философии». В отличие от первого обсуждения предполагалось добиться негативной оценки работы и опорочить политически ее автора. Последним свидетельством надвигавшихся перемен в партаппарате оказалось введение «опросом» 22 мая Суслова в Секретариат ЦК вместо Патоличева и утверждение его

начальником Управления по проверке партийных органов с сохранением за ним руководства отделом внешней политики. 25 июня завершилась вторая философская дискуссия, которая признала книгу Александрова ошибочно и порочной. Заслуживающим внимания явилось само ее проведение: Жданов как секретарь ЦК по идеологии стал хотя и основным, но все же участником дискуссии, организовал же и руководил ее ходом начальник Управления кадров Кузнецов, рядом с которым в президиуме сидел Суслов.

В июле и августе подготовка смещения второго секретаря ЦК партии продолжилась. Она выразилась в беспрецедентных нападках газеты «Правда» на орган Управления пропаганды газету «Культура и жизнь» и в осуждении заведующего отделом пропаганды С. М. Ковалева. Это свидетельствовало об утрате Ждановым контроля за ситуацией и невозможности решения им внутренних вопросов Управления пропаганды без огласки.

1 сентября Александрова вместе с его заместителем П. Н. Федосеевым отстранили от руководства Управлением пропаганды. Возглавил идеологическое ведомство Суслов, сумевший сохранить за собою, как и в мае должность заведующего отделом внешней политики. Жданов оказался в положении генерала без армии, утратив возможность воздействовать на подготовку и принятие важных решений. Он еще оставался вторым секретарем ЦК, председательствующим на заседаниях Секретариата и ОБ А фактически властные полномочия перешли теперь к Суслову.

17 сентября 1947 г. Кузнецову вверили курирование МГБ, что перед тем составляло прерогативу самого Сталина, и в тот же день его ввели в высший круг власти, ставший девяткою, в ПБ и БСМ. О возвращении Молотова на роль фактически второго человека в государстве свидетельствовало то предпочтение, которое теперь придавалось внешнеполитическим вопросам — о намерениях восстановить международное положение СССР существовавшее после окончания войны. То же демонстрировало создание в мае 1947 г. нового разведывательного органа — Комитета информаци при МИДе, официальным главой которого по положению являлся министр не госбезопасности, и не вооруженных сил, а иностранных дел.

Однако именно во внешнеполитической сфере неудачи Кремля оказались наиболее ощутимыми. Несмотря на попытки советской дипломатии, так и не удалось преодолеть кризис в отношениях с бывшими союзниками и расхождения с каждым месяцем стали принимать все более четкие формы Одним из свидетельств этого явилось выступление в конгрессе 12 марта президента США, вскоре получившее название «доктрины Трумэна». Она открыто призывала к военному сдерживанию Советского Союза в отношении Турции и Греции. 5 июня последовала речь нового государственного секретаря США Дж. К. Маршалла в Гарвардском университете, предложившего свой план оказания помощи Европе. Правительства Великобритании Франции, Италии, ряда других стран поддержали этот план, приняв решение провести в Париже 12—16 июля Европейское экономическое совещание Было предложено участвовать в нем и СССР, а также другим странам Восточной Европы. Столь неожиданная перспектива заставила советское руководство принять окончательное решение, определив, какой должна стать в ближайшем будущем внешняя политика Советского Союза: направленной на широкое международное сотрудничество или изоляционистской. {29}

Выбор пал на второй вариант. В Кремле никто не желал мириться с утратой престижа великой державы и предуготовленной для нее ролью младшего партнера. Советское руководство видело также, что, осуществляя восстановление народного хозяйства и одновременно направляя огромные средства на разработку новых видов вооружения, СССР больше не может опираться только на собственные силы, а будет вынужден использовать потенциал других государств, их индустриальную мощь и сырьевые ресурсы. Потом Москва не только отклонила предложение прислать делегацию на Европейское совещание, но и продемонстрировала возможность появления на мировой арене собственного блока. Первым свидетельством этого стала согласованная акция: 9 и 10 июля Албания, Болгария, Венгрия,

Польша, Румыния, Финляндия, Чехословакия и Югославия отказались участвовать в парижской встрече. То был один из решающих шагов к расколу мира. Следующим проявлением нового курса явилось совещание 2—28 сентября 1947 г. в Польше компартий Восточной Европы, Франции Италии. На нем под прямым давлением Жданова и Маленкова было образовано неформальное объединение с исполнительным органом — Инфюрмбюро (иначе Коминформ).

С завершением 15 декабря 1947 г. в Лондоне своей 5-й сессии практически прекратил существование Совет министров иностранных дел пяти стран, созданный в 1946 г. по решению Потсдамской конференции. С его крахом нечего было и думать о подготовке и подписании в скором будущем мирного договора с Германией, о юридическом признании Западом включения в состав СССР части Восточной Пруссии (Калининградская область), также западных территорий Белоруссии и Украины, компенсированных Польше новой ее границей по Одеру и Нейссе. А 17 марта 1948 г. представители Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга осуществили давнюю идею Черчилля, подписав в Брюсселе договор о создании Западного союза.

Все это влияло на оценку результатов деятельности Молотова и отражалось на его положении. 29 марта 1948 г. «девятка» в третий раз за послевоенный период реорганизовала структуру СМ и пересмотрела состав высших должностных лиц. Молотова, незадолго перед тем получившего замечание от ПБ, что являлось случаем самим по себе уникальным, под предлогом необходимости для него «заняться главным образом делами по внешней политике» освободили от руководства повседневной работой СМ. Теперь вместо него председательствовать на заседаниях БСМ и вести их должны были поочередно Вознесенский, Берия и Маленков.

«Девятке» пока не удалось согласовать мнение, кто же станет единоличным лидером. Означало это и то, что Маленков сумел подняться еще на одну ступень по лестнице к вершине власти. А вскоре ему удалось сделать новый шаг: 1 июля он был возвращен в Секретариат ЦК и опять занял ключевые посты во властных структурах. Сразу же последовала коренная реорганизация партаппарата, сопровождавшаяся изменением распределения обязанностей между секретарями ЦК. По решению ПБ от 10 июля, три управления ЦК ВКП(б) прекратили существование. Вместо них возникла новая система, состоявшая лишь из отделов. Управление пропаганды стало отделом с Д. Т. Шепиловым во главе при кураторе Жданове. Управление по проверке партийных органов превратилось в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, заведующим которого назначили Б. Н. Черноусова. Этот отдел, единственный контролировавший не только все без исключения министерства и ведомства, но и сам партаппарат, Маленков взял в свое ведение.

Управление кадров, на протяжении многих лет остававшееся неприкосновенным, поделили на семь распределенных между тремя секретарями отделов. Важнейший из них, Административный, с заведующим , Е. Андреевым, занимавшийся подбором и расстановкой кадров в министерствах вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел и юстиции, включая судебную систему и прокуратуру, Кузнецов удержал за собой, остальные, не изменившие кадрово-контрольных функций, отделы — {30} тяжелой промышленности (зав. С. Б. Задионченко), легкой промышленности (Н. М. Пегов), машиностроения (В. М. Чураев), транспортный (Т. А. Чумаченко), планово-финансово-торговый (Сазонов), сельскохозяйственный (А. И. Козлов) — распределили между Маленковым, Кузнецовым и П. К. Пономаренко, 1 июля введенным в состав Секретариата ЦК. Перемены не затронули лишь Отдел внешней политики. Изменилось его название — Отдел внешнеполитических сношений, но заведующим его остался Суслов, который, как и Попов, не получил никаких дополнительных обязанностей по Секретариату ЦК [10].

Такая расстановка сил, пока оставлявшая Кузнецову шанс сохранить свое положение, оказалась призрачной. В тот же день Жданов по состоянию здоровья, второй раз за год, ушел в двухмесячный отпуск, из которого уже не вернулся. Поэтому вопросы идеологии — до 31 августа временно, а затем постоянно, взял на себя Маленков, вновь ставший вторым секретарем ЦК. Новое руководство усилило жесткий вариант курса внешней и внутренней политики. Разногласия, возникшие в феврале 1948 г. между Сталиным и И. Броз Тито, были быстро и сознательно доведены в июне до открытого разрыва нормальных отношений СССР и стран народной демократии с Югославией. Это Послужило одним из поводов для создания «дела Ласло Райка», массовых чисток партийного руководства в Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше и Чехословакии. С июня же заметно усилилась «холодная война», проявившаяся на этот раз в советской блокаде Западного Берлина.

Аналогично силовыми методами новое руководство пыталось разрешить внутренние проблемы. Еще до отставки Молотова 10 февраля 1948 г. Н. С. Хрущев внес на рассмотрение ПБ вопрос, поначалу носивший региональный характер: о необходимости упрощенной формы для высылки с территории Украины всех, кто сопротивлялся проведению в западных областях коллективизации и в той или иной степени был связан с сепаратистским подпольем. ПБ поддержало инициативу председателя СМ УССР и сформировало комиссию в составе Берии, Хрущева, Суслова, Кузнецова, Абакумова, С. Н. Круглова, министра юстиции К. П. Горшенина и генерального прокурора Г. Н. Сафонова «для разработки вопросов о переселенцах, административно-ссыльных и высланных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, в том числе шпионов, а также вопроса о высылке из Украины вредных элементов в деревне с предоставлением предложений в Бюрр Совета Министров».

21 февраля Шверник подписал указы Президиума Верховного Совета СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» и «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Этот документ означал бессрочную высылку на Колыму, в Красноярский край или Северный Казахстан всех, кто отбыл или должен был отбыть вскоре заключение по ст. 58 Уголовного кодекса. Это означало также возобновление в Советском Союзе массовых репрессий [11].

7 мая ПБ поручило новой комиссии в составе Маленкова (председатель), Жданова, Хрущева, Суслова, Родионова и Круглова «выработать на основе опыта Украины проект постановления Совета Министров СССР и проект указа Президиума Верховного Совета СССР о мерах высылки в отдаленные районы антисоциальных элементов по решениям колхозных собраний». Юридический акт не заставил себя ждать: указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» был утвержден 2 июня 1948 года. Наконец, в связи с «проявлением мягкости и нерешительности», 24 августа ПБ освободило от должности председателя Верховного суда И. Т. Голякова и его заместителя, председателя Военной коллегии В. В. Ульриха, заменив их на А. А. Волина и А. А. Чепцова. {31}

26 октября оформление карательной системы завершилось появлением директивы МГБ и Генеральной прокуратуры, установившей, что аресты и направление в бессрочную ссылку всех лих, освобожденных из тюрем и лагерей по отбытии наказания, производятся по решению Особого совещания при МГБ [12].

Но все подобные меры не могли повлиять на продуктивность сельского хозяйства, отвечал за которое Маленков как председатель Бюро СМ по сельскому хозяйству и куратор Сельскохозяйственного отдела ЦК. Тогда ставка была сделана на «чудо», ибо иного «девятка» предложить при всем желании не могла: на мифическую ветвистую пшеницу, которая если и не сегодня, то непременно завтра, позволит обеспечить страну хлебом.

Для чего следовало прежде удовлетворить претензии Т. Д. Лысенко, создателя этого, еще никем не виданного, но уже широко рекламировавшегося советской прессой растения, открыто выступив на стороне дилетанта в его споре, переросшем в открытую борьбу, со светилами биологической науки, и пойти на ликвидацию отечественной школы генетиков. Подтолкнуть Сталина к такому шагу заставило Маленкова летом 1948 г. стремление любой ценою устранить одного из двух соперников по Секретариату ЦК — Жданова. Ведь официальная поддержка партией Лысенко позволяла нанести тяжело больному, хотя и номинально все еще второму секретарю ЦК ощутимый удар и развеять его надежды на блестящую карьеру сына, Ю. А. Жданова, возглавлявшего сектор науки Агитпропа и выступавшего с критикой Лысенко.

15 июля, через пять дней после отъезда Жданова из Москвы и за полтора месяца до его смерти, ПБ приняло такое решение: «В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом т. Ю. Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т. Д. Лысенко на тему: «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати». 7 августа сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу объявлением взглядов Лысенко как единственно верных. 25 августа все газеты сообщили о «разгроме антинаучного учения» в биологии, а 1 сентября — о смерти Жданова после тяжелой и продолжительной болезни. Так Маленков избавился от давнего соперника в партаппарате. «Девятка» же, потерявшая одного из своих членов, месяц спустя пополнилась Косыгиным, одновременно переведенным из кандидатов в члены ПБ. Однако теперь борьба за власть не только не стихла, но, наоборот, вступила в еще более жесткую фазу. Вскоре ее жертвами стали четыре члена узкого руководства.

28 января 1949 г. «Правда» там, где обычно ставились материалы по искусству и литературе, поместила редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Ее подготовили главный редактор газеты Поспелов и Маленков, используя текст записки и проекта постановления ЦК по этому вопросу, подписанные Шепиловым. С этого момента началась борьба с космополитизмом — одна из самых шумных и разнузданных пропагандистских кампаний тех лет. Спровоцированная ею «охота на ведьм» и оголтелый, рожденный низкой завистью и интригами поиск «врага» в узком коллективе завершились потом так же внезапно, как и начались. Но они временно отвлекли внимание граждан от событий, информация о которых, крайне выборочная и более чем скупая, прошла как б ы незамеченной.

В роковой для театральной критики день Кузнецов лишился своих прав по надзору за работой отделов административного и машиностроения и вообще оказался вне Секретариата ЦК. Правда, решение ПБ, принятое 28 января 1949 г., говорило вроде бы о совершенно ином: создании «в целях улучшения связи между ЦК ВКП(б) ипарторганизациями отдаленных областей, краев и республик» Закавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) и об утверждении руководителем последнего именно Кузнецова. {32}

Документ исходил из отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, которым ведал Маленков. А 15 февраля появилось еще одно решение ПБ — «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». В нем, означавшем рождение «Ленинградского дела», указывалось: «Снять т. Кузнецова с поста секретаря ЦК ВКП(б) и объявить ему выговор». Там же отмечалось: указать т. Вознесенскому, который «поступил неправильно».

Затем последовала неожиданная реакция на проведение в Ленинграде оптовой ярмарки. 4 марта, незадолго перед началом работы 4-й сессии Верховного Совета СССР, ПБ освободило с поста министра иностранных дел Молотова, а Микояна — с поста министра внешней торговли и утвердило вместо них А. Я. Вышинского и М. А. Меньшикова. На следующий день, постановлением СМ, Вознесенского сняли с должности председателя Госплана СССР. 7 марта,

по решению ПБ, его лишили должностей заместителя председателя СМ, члена БСМ и ПБ. 12 марта был ликвидирован отдел внешних сношений ЦК. Взамен образовали Внешнеполитическую комиссию, во главе которой поставили шеф-редактора органа Информбюро — газеты «За прочный мир, за народную демократию» В. Г. Григорьяна [13].

24 марта решением ПБ министром вооруженных сил назначили Маршала Советского Союза А. М. Василевского, а Булганину поручили наблюдение за деятельностью 2-го и 3-го комитетов (созданы в 1945—1946 гг. и отвечали соответственно за атомную технику и ракетостроение) при СМ СССР, министерств авиапромышленности и вооружения, Сталину же — кураторство над министерством вооруженных сил. 25 апреля перераспределение обязанностей вновь изменили: министерство вооруженных сил возвратили в ведение Булганина, сосредоточив в его руках контроль за работой всего Военно-промышленного комплекса (ВПК). Еще 6 апреля Молотову, почти три десятилетия занимавшемуся преимущественно проблемами внешней политики, поручили возглавить Бюро СМ по металлургии и геологии. За этими перемещениями стояли прежде всего личное соперничество, ничем не прикрытая борьба за власть, страх оказаться проигравшим.

Но свидетельствовали кадровые перестановки и об ином: они отражали возраставшую неуверенность в правильности избранного курса, опасение перед неясным будущим страны. В дальнейшем играли сильную роль и такие факторы, как: заявление 14 января 1949 г. госдепартамента США, а 20 января и президента Трумэна о готовности США присоединиться к Западному союзу; 4 апреля последовал договор о создании НАТО, включившем 12 стран; в конце марта — начале апреля США, Великобритания и Франция провели сепаратное изменение западных границ Германии, а затем приняли решение об объединении своих оккупационных зон и создании на их основе единого западногерманского государства. Раскол мира все более становился реальностью.

Контрмерой, которую СССР смог себе позволить при создавшихся условиях, стало проведенное в Москве 5—8 января 1949 г. совещание, на котором объявили о создании Совета экономической взаимопомощи. Прочность восточного блока подкрепляли присутствием советских войск в Польше, Венгрии, Румынии и новыми репрессиями против несогласных с консолидацией вокруг СССР. Уповали и на советский атомный проект, за который отвечал Берия. Отсюда — стремление не затрагивать его тогда на всех витках борьбы за власть, не ущемлять его статуса и роли. Пожертвовать можно было кем угодно, но только не им. Столь же твердое положение неожиданно обрел Булганин, сосредоточивший в своих руках полномочия по ВПК. Позволить себе продолжить личную борьбу могли только Молотов и Маленков, что они и не преминули сделать.

12 июня, через два месяца после очередного поражения, Молотов вернулся к привычным обязанностям. Не Вышинский, Меньшиков и Меркулов (после снятия с должности министра госбезопасности назначенный сначала заместителем начальника, а затем начальником Главного управления {33} советским имуществом за границей), а вновь Молотов теперь вносил предложения в ПБ по работе МИДа и Внешнеполитической комиссии и отвечал за их деятельность. Новая утрата Маленковым некоторых позиций проявилась позже, когда ему пришлось поступиться единоличным контролем над идеологией. 20 июня Суслова вторично назначили заведующим Агитпропом, а 30 июня — главным редактором «Правды». Затем подверглась коррективам роль Маленкова в БСМ, после устранения оттуда Вознесенского казавшаяся другим членам «семерки» чрезмерной. 1 сентября от имени ПБ появилось решение, возвестившее об очередной реорганизации СМ, в котором БСМ было количественно расширено и переименовано в Президиум. Председательствование на его заседаниях возложили «поочередно на заместителей Председателя Совмина СССР тт. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова». В этой новой администрации Каганович, получивший по возвращении из Киева пост председателя Госснаба СССР, структуры, только что выделенной из Госплана, призван был не столько действовать, сколько олицетворять преемственность,

представляя вместо Молотова былых сталинских сподвижников. Сабурову же предстояло действительно работать, заменяя своего предшественника по Госплану СССР Вознесенского и выполняя обязанности единственного в ПСМ профессионала-экономиста [14].

Очередной состав руководства продержался у власти всего семь месяцев. Успешное испытание атомной бомбы в СССР, переход от научных разработок и экспериментов к плановому производству атомного оружия позволили изменить нарушенный еще в конце войны традиционный баланс сил, восстановив прежнее преимущество сталинских наркомов. Первым отчасти вернул себе утраченное положение Микоян, 26 января 1950 г. получивший пост председателя Бюро СМ по торговле и пищевой промышленности. Затем Молотов тоже сменил должность: 13 февраля он возглавил Бюро СМ по транспорту и связи. Это позволило ему снова участвовать в решениях внешнеполитических вопросов.

7 апреля 1950 г. ПБ (точнее — «семёрка») обсудило «Вопрос Совета Министров СССР» и постановило «Принять следующее предложение тов. Сталина: ...Образовать Бюро Президиума Совета Министров СССР, поручив ему рассмотрение срочных вопросов текущего характера, а также вопросов секретных. Утвердить Бюро Президиума Совета Министров СССР в следующем составе: Председатель Совета министров СССР И. В. Сталин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганин, заместители Председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, В. М. Молотов. Председательствование на заседаниях Бюро Президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Сталина осуществлять первому заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Булганину Н. А.» [15].

Откровенное подчеркивание того, что данное решение исходит напрямую от генсека, являлось не случайным. Новая реорганизация стала открытым (на сей раз) вмешательством Сталина в борьбу претендентов за наследование его власти. Во всех иных случаях генсек действовал как бы закулисно. Но спустя всего неделю, 15 апреля, та же «семёрка» согласилась с настойчивым желанием Маленкова вернуться в Бюро Президиума Совмина (БПСМ), ибо он не захотел довольствоваться положением второго лица только в партии, и приняла, по сути дела отменяя предыдущее, еще одно решение: «Ввести в состав членов Бюро Президиума Совета Министров СССР тов. Маленкова Г. М.». Возвращение Маленкова в БПСМ облегчило то, что он, как ему тогда казалось, подыскал надежного и верного союзника, которому смог доверить текущие дела Секретариата ЦК и ОБ: воспользовавшись очередной анонимкой, поступившей в ЦК и обвинявшей Г. М. Попова в бездушном, пренебрежительном отношении к людям, их заботам и нуждам, Маленков, Берия, Каганович и Суслов как члены специальной комиссии 1 ноября 1949 г. создали «дело» московского первого секретаря. 12 декабря последовало решение ПБ о смещении Попова со всех партийных постов, на следующий день — о назначении секретарем МК {34} и МГК и секретарем ЦК партии Хрущева. Закрепление и без того твердых позиций Маленкова в партаппарате завершилось в мае — июне 1950 г. первым этапом перемещений заведующих отделами. Отдел партийно-профсоюзно-комсомольских органов возглавил Г. П. Громов, административный — В. Е. Макаров, тяжелой промышленности — В. И. Алексеев, машиностроения — И. Д. Сербин, планово-финансово-торговый — Н. Н. Шаталин.

Новое руководство СМ, вернувшее себе право заниматься секретными вопросами, т. е. обороны, военной промышленности, иностранных дел, внешней торговли и госбезопасности, стало несколько менять пространственную ориентацию политики, перенося ее центр тяжести с Западной Европы на Азию, где, как казалось, победа народной революции в Китае и образование КНДР создавали возможность более широкого проникновения в обширный регион, охваченный борьбою за независимость, включая Индокитай и Индонезию. И весной 1950 г. Кремль одобрил им же задуманный, а предложенный Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном, план блицкрига для объединения Северной Кореи с Южной.

Принимая такое решение, советская сторона рассчитывала на то, что ни США, ни другие страны Запада не успеют вмешаться в локальный конфликт. Однако уже на третий день войны ООН осудила действия КНДР как агрессивные. После того, как северокорейская армия заняла

практически весь полуостров, США направили туда свои вооруженные силы, и 25 октября американские дивизии вышли к р. Ялу. Даже участие китайских «добровольцев» в войне на стороне КНДР, поначалу выглядевшее обнадеживающим, не привело к решительному перелому и позволило лишь установить зыбкое равновесие, стабилизировав линию фронта в районе 38-й параллели. Сделалось предельно ясным, что победу может принести только использование атомного оружия. Но Вашингтон счел тогда свою основную цель — сдерживание коммунизма — достигнутой и не решился пустить в ход атомную бомбу.

13 января 1951 г. президент Трумэн заявил о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий в Корее. Недвусмысленное предложение вернуться к положению, существовавшему до начала войны, в Кремле услышали, поняли и расценили как желательный вариант выхода из корейского тупика. Завершить конфликт на такой стадии его развития без необходимости давать официальные объяснения помогла помочь и советская пропаганда, однозначно трактовавшая Корейскую войну как неприкрытую агрессию США и сеульского режима. Потому восстановление прежней границы по 38-й параллели можно было преподнести как еще одну убедительную победу сил мира.

Но для этого следовало несколько отодвинуть тех, кто помог ввергнуть СССР в опасную авантюру. 16 февраля 1951 г. ПБ, как всегда без заседания, любимым у генсека «опросом», приняло два важных взаимосвязанных решения. В соответствии с первым Булганину возвращали прежнее положение руководителя ВПК, отобранное у него с началом Корейской войны, а в структуре СМ создали соответствующее Бюро — по военно-промышленным и военным вопросам, которое должно было руководить деятельностью министерств авиапромышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота (последнее было воссоздано 25 февраля 1950 г.). Второе решение существенно меняло систему власти. Оно гласило: «Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью Председателя Совета Министров СССР Сталина И. В.».

Последняя фраза, как раньше, так и позже никогда не встречавшаяся в подобного рода документах, довольно странна для расшифровки. Если ее внесли в текст с ведома Сталина, то ее следует понимать в том смысле, что он в силу веских причин (а ими могли быть либо загруженность более важной работой, либо болезнь) доверил своеобразному триумвирату часть {35} своих полномочий и позволил ему какое-то время, растянувшееся потом на два года, частично вершить судьбы страны от его имени. Если же фраза появилась вдруг вопреки воле Сталина, как, например, это произошло с введением 15 апреля 1950 г. Маленкова в состав БПСМ , то она должна означать нечто противоположное: что в тот день генсека как бы отстраняли от руководства и что система, созданная Сталиным, сработала как бумеранг, обратившись в конечном итоге против него самого.

А пока что продолжалась концентрация власти в руках триумвирата (Берия, Маленков, Булганин). 15 марта перестройка структуры БПСМ продолжилась. Пять Бюро СМ из девяти были ликвидированы, их вопросы переданы непосредственно в БПСМ. Тем самым Маленков снял с себя заботы о текущих проблемах сельского хозяйства, а Берия — топливного комплекса, сохранив прямой контроль только за производством атомного оружия и ракетостроением. Фактически вне БПСМ оказались Молотов и Ворошилов, а в его составе остались: из старых лидеров — Микоян, из новых— Сабуров и М.Г.Первухин. Сабуров своим возвышением был обязан Маленкову, а Первухин на протяжении последних лет находился в прямом подчинении у Берии.

Затем последовало то, что обычно в СССР предшествовало серьезным переменам в политике: 23 июня Суслова освободили от должности главного редактора «Правды», назначив туда Л. Ф. Ильичева. Данная мера завершила серию кадровых перестановок в партаппарате,

начатых еще в мае предыдущего года и продолженных в декабре, когда Игнатьева отозвали из Ташкента, где он находился как уполномоченный ЦК по Узбекистану, и доверили ему пост заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, Громова переместили в административный отдел, а Макарова направили заместителем министра госбезопасности по кадрам. Наконец, на расстановку сил в аппарате ЦК существенно повлияла роль в нем Суслова и то, что Агитпроп реорганизовали в четыре отдела — агитации и пропаганды, науки и высших учебных заведений, литературы и искусства, школ.

Только после этого триумвират предпринял действия, которые должны были продемонстрировать смягчение и либерализацию внешней-политики СССР. 23 июня, получив соответствующее указание из Москвы, постоянный представитель СССР в ООН Я. А. Малик выступил с предложением начать переговоры о прекращении войны в Корее; 4 августа последовало решение не пересматривать конвенцию Монтрё, чей очередной пятилетний срок истек, и тем самым отказаться от дальнейших требований к Турции получить согласие на создание советской военной базы в проливах Мраморного моря [16].

Из других событий лета 1951 г. особого внимания заслуживает начавшееся обновление руководства силовых министерств. Их в контексте решен и я от 16 февраля, а также прекращения без каких-либо объяснений дальнейшего издания томов сочинений Сталина, можно было бы рассматривать к а к свидетельство усиливавшейся изоляции генерального секретаря и устранения из его окружения тех, на кого он мог бы в случае необходимости опереться. 20 июля подвергнутого опале в 1947 г. адмирала Н. Ф. Кузнецова восстановили в должности министра ВМФ. 24 июля в «Правде» поместили сообщение о том, что в состав правительственной делегации СССР на празднование Дня возрождения Польши включен наравне с Молотовым и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, и опубликовали полный текст его выступления. Тем самым имя еще одного из военачальников, оказавшихся в немилости у Сталина, вернули из забвения.

Наконец, после недельной проверки записка старшего следователя М Г Б М. Д. Рюмина послужила основой принятого 11 июля постановления ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении дел в МГБ». Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, без участия отделов административного и партийно-профсоюзно-комсомольских органов и без активной поддержки Маленковым эта записка, что бы она ни несла в себе, не смогла бы попасть на рассмотрение ПБ. Во-вторых, оргвыводы — снятие Абакумова с поста {36} министра — выглядели неадекватно тем обвинениям, которые выдвигались против него: смерть, до завершения следствия, сотрудника Лечсанупра Кремля, лечащего врача Берии Я. Г. Этингера, «признавшегося» в причастности к смерти А. С. Щербакова; непредставление в ЦК сведений об этом, а также о ходе следствия по делам заместителя генерального директора АО «Висмут» и группы еврейской националистической молодежи . 9 августа Игнатьев, который вел проверку работы МГБ , стал новым министром госбезопасности.

Как бы промежуточным итогом столь значительных перемен в судьбах страны явились два имевших принципиальное значение решения ПБ. Им вроде бы предстояло сделать необратимым поворот во внешней политике и оформить сложившуюся теперь расстановку сил во властных структурах: от 20 августа — о проведении в Москве Международного экономического совещания (было призвано вывести СССР из изоляции, для начала — в области международной торговли, найти новые рынки для сбыта советской продукции и сырья, способствовать обретению партнеров для импортных операций за пределами восточного блока), от 7 декабря — о созыве осенью 1952 г. откладывавшегося вот уже несколько лет очередного, XIX съезда партии. Порядок дня, утвержденный тем же решением ПБ, предопределял главное: кто будет формировать делегации и новые центральные органы. Выступление с отчетным докладом поручили Маленкову, о директивах по V пятилетнему плану — Сабурову, об изменениях в уставе ВКП(б) — Хрущеву [17].

Но и теперь скрытая, закулисная и сложная игра в руководстве, единственной ставкой в которой была власть, не прекратилась и не замерла даже на месяц. 1952 г. начался с перестановок в высшем командном составе вооруженных сил. В январе командующим артиллерией стал В. И. Казаков, начальником Главного артиллерийского управления С. С. Варенцов, новым заместителем министра М. И. Неделин. В июле заместителями военного министра назначили Л. А. Говорова и К. Г. Вершинина. Еще в мае радикальные перетряски затронули МИД: Малика отозвали из Нью-Йорка, а Г. М. Пушкина из Берлина и утвердили заместителями министра иностранных дел; В. А. Зорин получил должность постоянного представителя СССР в Совете безопасности, А. А. Громыко — посла в Великобритании, А. С. Панюшкина отозвали из Вашингтона и направили в Пекин, Г. Н. Зарубина переставили послом из Лондона в Вашингтон. Все это, как свидетельствовала советская практика, означало грядущую в ближайшем будущем смену министров военного и иностранных дел, то есть отставку Василевского и Вышинского.

В апреле в Москве прошло Международное экономическое совещание, участников которого впервые не подбирали в соответствии с их политическими взглядами. Подобный подход сказался на заметных сдвигах во внешней торговле СССР, ее ощутимом оживлении за счет установления более равноправных и взаимовыгодных связей. В октябре собрался XIX съезд партии. Образование 16 октября, на первом пленуме ЦК нового состава, неуставного Бюро Президиума ЦК (что повторяло по названию высший исполнительный орган государства) не вносило чего-либо нового в баланс сил и не влияло на приоритетность позиций тех, кто стал во главе страны два с половиною года назад.

В узкой группе, выделенной из всех членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, явными преимуществами (даже только при голосовании) обладали те же Берия, Булганин, Маленков, Хрущев, Сабуров и Первухин. Их уже не мог никто уравновесить даже при поддержке «теней прошлого», переставших играть заметную роль в политической жизни,— Ворошилова и Кагановича. В свете данных фактов перестает вызывать недоумение полное тогда отстранение Молотова и Микояна от реального руководства.

Можно принять также, хотя и с оговорками, предположение А. Г. Авторханова о намерении либо всех шестерых новых лидеров СССР, либо некоторых из них устранить из политической игры Сталина. В пользу этого говорят следующие факты. Во-первых, подлинные задачи таинственного Бюро № 2 — {37} самостоятельного аппарата МГБ, законспирированного от всех без исключения сотрудников этого ведомства и подконтрольного только самому министру и его первому заместителю. Официальной целью Бюро № 2, образованного решением ПБ от 9 сентября 1950 г., а сформированного в начале следующего года, являлось «выполнение специальных заданий внутри Советского Союза по пресечению особыми способами («компрометация, секретное изъятие, физическое воздействие и устранение») вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами». Все попытки министра Игнатьева получить от ПБ, вернее — от своего куратора в ПБ Маленкова, какие-либо конкретные задания для бездействовавших два года, но продолжавших усиленно тренироваться, странных подчиненных в составе этого Бюро или хотя бы влить их во Второе главное (контрразведывательное) управление МГБ не увенчались успехом.

Во-вторых, арест в декабре 1952 г. Н. С. Власика, а затем отстранение Поскребышева, руководителей личной охраны и секретариата Сталина.

В-третьих, цепь событий, начавшихся в 1951 г.; «признание» Этингера в причастности к смерти Щербакова; снятие 1 сентября 1952 г. с должности начальника Лечсанупра Кремля П. И. Егорова и назначение на этот пост начальника медицинско-санитарного отдела Административно-хозяйственного управления МГБ генерал-майора медицинской службы И. И. Крупина , что было проведено под контролем Маленкова и Шкирятова; наконец, публикация 13 января 1953 г. сообщения об аресте «врачей-вредителей» из кремлевской поликлиники [18].

Впрочем, все это можно рассматривать также и как сложную игру, затеянную самим Сталиным. Его смерть в марте 1953 г. не приостановила борьбы за власть в советском руководстве. Очередными ее вехами стали затем арест Берии и другие события тех лет. {38}

Источник:

Ю. Н. Жуков. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945 - 1952 годах. // Вопросы истории. - 1995. - № 1. - С. 23 - 39

Примечания

1.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 3, д. 2181, л. 135—137; д. 2182, л 3; д. 2183, л. 2—4; д. 2177, л. 46; д. 2185, л. 14.

2.

Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). Стеногр. отчет. М. 1946, с. 328—329; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5446, оп. 1, д. 275, л. 35, 121—122.

3.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2185, л. 2-4.

4.

Подтверждено К. С. Кузаковым, в то время заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

5.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2187, л. 3; оп. 125, д. 377, л. 59, 65—68; д. 405, л. 32—46; д. 483, л. 4-5; оп. 117, д. 627, л. 141—142.

6.

КПСС в резолюциях... Т. 8. М. 1985, с. 39 ^ 8.

7.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2188, л. 96—98.

8.

ХРУЩЕВ Н. С. О культе личности и его последствиях.— Известия ЦК К П С С , 1989, № 3, с. 163.

9.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2193, л. 10, 32—37; ф. 629, оп. 1, д. 95-а, л. 182—183; д. 2194, л. И, 1 7 ; д. 2191, л. 89; д. 2194, л. 11.

10.

Там же, л. 45; д. 2195, л. 22, 31, 36; д. 2196, л. 47—48; д. 2200, л. 2; д. 2201, лл. 28—29.

11.

Там же, д. 2199, л. 11; Источник, 1994, № 2, с. 92—93.

12.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2200, л. 31; д. 2202, л. 23; Центр хранения современной документации (ЦХСД), коллекция, ф. 89, перечень 60, док. 26, л. 2.

13.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 32; д. 2202, л. 33; ф. 629, оп. 1, д. 98, л. 1; ф. 17, оп. 3, д.2204, л. 14, 35—36, 58, 107—116, 60, 67.

14.

Там же, д. 2205, л. 14, 64, 29; д. 2206, л. 47; д. 2207, л. 44, 55; д. 2208, л. 11; д. 2198, л. 4—5.

15.

Там же, д. 2210, л. 78, 4—5, 11, 89; д. 2211, л. 3, 81, 93; д. 2208, л. 98; д. 2214, л. 6—7, 14, 32.

16.

Там же, д. 2221, л. 56; д. 2223, л. 2; д. 2224, л. 66; д. 2219, л. 84—85; д. 2225, л. 10.

17.

Там же, д. 2224, л. 85, 92; д. 2225, л. 16, 39; д. 2227, л. 134.

18.

Там же, д. 2229, л. 57; д. 2232, л. 133; д. 2231, л. 78; ЦХСД, коллекция, ф. 89, перечень 18, док. 18, л. 2, 3—5, 8; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2233, л. 41.
